

УДК 811.111'37
ББК 81.2Англ-3

К.А. Насилевич

**ТИПОЛОГИЯ
ПЕРИФЕРИЙНЫХ
СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ
РЕКВЕСТИВНОГО
ЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ
ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

На уровне английской диалогической речи в статье выявляются параметры разграничения периферийных имплицитных и косвенных средств выражения реквестивного значения. Анализируются особенности транспонирования повествовательных и вопросительных высказываний в имплицитные и косвенные реквестивные акты, являющиеся периферийным способом выражения функционально-семантической категории императивности.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, имплицитные и косвенные реквестивные акты, актуализация периферийных способов.

Насилевич Карина Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
Тел.: 8(863)261-38-05
E-mail: karinathebest@mail.ru

Согласно антропоцентрическим воззрениям, утвердившимся в современной лингвистике, диалогическое общение – это, прежде всего, процесс намеренного воздействия на когнитивное мышление адресата, дискурсивный выбор как производного когнитивного состояния [Залевская, с. 95]. Особую актуальность в связи с этим приобретает описание коммуникативных средств, реализующих «оперативное реагирование» на речевые действия собеседников и обеспечивающих «обратную связь» в диалоге. К таким единицам, регулирующим коммуникативные отношения, организующим ситуацию общения, принадлежат периферийные способы актуализации функционально-семантических категорий. Актуальность их исследования как средств гармонизации диалогической коммуникации обусловлена все возрастающей ролью межличностного взаимодействия, тенденцией к экономии языковых средств на уровне диалога. Исследование периферийных способов выражения функционально-семантических категорий в числе средств диалогической координации позволит разработать практические рекомендации по гармонизации общения, оптимизации коммуникативной компетенции носителей языка.

В лингвистических исследованиях наблюдается поступательное расширение подхода к анализу функциональной значимости предложения в рамках диалогического текста. Изучаются дискурсивные аспекты высказывания [Текст..., с. 326], пределы его ин-

тенционального варьирования в речевом общении [Кудряшов, с. 5]. Особое значение в данном аспекте приобретают исследования тех языковых средств, посредством которых собеседники демонстрируют друг другу свои коммуникативные намерения, выражают согласие / несогласие с речевым поведением оппонента.

Другими словами, при планировании языкового действия в рамках диалогического общения предполагаются ответные действия партнеров. Реализация ожидания вызывает усиление ожидания в будущем действия в подобной же ситуации. Подобным образом регулярности становятся постепенно конвенциональными, выполнения которых ожидает каждый участник диалогического взаимодействия. В частности, адресат при конструировании ответного реагирования постоянно наталкивается на социолингвистические конвенции, особенности языковой личности говорящего, узнавание которой не только расширяет речевые способности слушающего, но и изменяет его коммуникативное поведение. Таким образом, в диалогическом общении собеседники формируются и утверждаются в плане коммуникативных отношений с другим. Ж. Батай высказывает мысль, что человеку возможно вернуться в себя только в случае «конвенционального сплавления субъекта и объекта» [Батай, с. 28]. Конвенциональность на уровне функционально-семантической грамматики рассматривается на двух уровнях: «... на уровне грамматических правил и на уровне вербально-символического действия» [Забавников, с. 81].

Тезис о двух уровнях конвенциональности языковых воплощений был выдвинут Д. Вундерлихом, который различает два типа правил в лингвистической теории: «Первый уровень конвенциональности языка выражен в системе грамматических правил, которым следует участник коммуникативного акта, если он связывает определенные значения (в качестве пропозициональных истинных содержаний) с определенным порядком... языка... Грамматику можно определить здесь вообще как систему отношений между значениями и звуковыми конфигурациями (т.е. поверхностной структурой выражений). Второй уровень конвенциональности выражен правилами символического, вербально-символического действия: каким образом связаны и интерсубъективно понимаются определенные коммуникативные предпосылки и последовательности в соответствующих выражениях, так что определенная реализация коммуникации является ожидаемой, управляемой или, при определенных обстоятельствах, оспариваемой?» [Wunderlich, p. 13].

Анализ способов выражения конвенционального содержания в связи с характером его языковой реализации дает, как нам представляется, возможность выделить два типа значений в рамках функционально-семантических категорий (ФСК):

- *категориальное* (прямое) значение, когда семантика выступает как значение ядерных форм (морфологических и синтаксических). Это такие высказывания, в синтаксической структуре которых силь-

ную позицию занимают специализированные синтаксические или аналитические словоформы. В этом случае наблюдается единство языкового и речевого значений высказывания, т.е. налицо явно выраженная семантика ФСК;

- *некатегориальное* (имплицитное, косвенное) значение, выступающее как смысл, передаваемый посредством периферийной формы с другим основным значением в определенных условиях функционирования этой формы и особой интонации. Иллокутивная предназначенность подобных форм не подкрепляется эксплицитным выражением на грамматическом уровне. Семантическая основа высказываний в этом случае сама по себе не выражает значения, а приобретает таковое под воздействием спецификаторов, присущих определенному микрополю ФСК. Значение фона и спецификаторов в этом случае противоречат друг другу, что и выступает условием переносного употребления языковой единицы. Синтаксические структуры, обладающие такими особенностями, получили название косвенных и имплицитных актов [Кудряшов, 2003, с. 51–52].

Таким образом, в основе разграничения двух типов значений в рамках ФСК лежит понятие о дискретном и недискретном представлении содержания речевого акта. Значение прямого речевого акта, складываясь из самостоятельного значения определенной языковой единицы, обладает дискретным характером. Дискретность семантики связана с эксплицитностью ее выражения. В имплицитных и косвенных актах значение сопряжено с другим значением, а поэтому является недискретным. Следствием этого оказывается актуализация в реальной практике общения иллокуций, формируемых периферийными способами выражения ФСК. Важным фактором при этом предстает понятие активации, т.е. способности адресата в определенный момент фокусировать свое сознание на определенном фрагменте, имеющем ограниченный характер. Соответственно информация высказывания может подразделяться на такие категории, как «данное», «доступное», «новое». На уровне диалогической речи «данное» может быть выражено эксплицитно с помощью ядерных средств ФСК и неявно (имплицитно, косвенно) – посредством периферийных средств ФСК. Последние средства, по мнению Е.Н. Буториной, свидетельствуют о функциональных и содержательных несоответствиях между характером осуществляемого речевого акта и его экспликацией языковыми средствами [Буторина, с. 127–128].

Каждый иллокутивный тип речевых актов, представленный в общепринятых классификациях (констатив, директив, комиссив, экспрессив, декларатив, вокатив), предполагает отличную от других типов степень «тяжести» возлагаемого на адресата перлокутивного задания.

В связи с этим в прагмалингвистике были выделены скрытые стратегии речевого воздействия говорящего на адресата. Вступая в диалогическое общение, говорящая личность ожидает, что партнер по коммуникации будет соблюдать, по выражению П. Грайса, «принцип коо-

перации», который заключается в том, что коммуникативный вклад участника общения должен быть таким, какого требует совместно принятая цель диалога [Грайс, с. 222–223].

Наибольшей частотностью периферийных способов выражения в английской диалогической речи отличается ФСК императивности, средством реализации которой предстают, в частности, реквестивные речевые акты, которые побуждают к действию, совершаемому в интересах говорящего. Реквестивные высказывания с неявно выраженной семантикой приобретают неоднозначность за счет намеренного употребления в контекстах и ситуациях, несовместимых с их прямым первичным значением.

В частности, имплицитные реквестивные акты представляют собой повествовательные высказывания, в семантической структуре которых не обнаруживается элементов побудительной интенции говорящего, а именно акта планируемого действия и каузации агента к выполнению данного действия. При комплексном подходе к их анализу важно проследить роль компонентов в составе целого. С этой целью необходимо разграничить пропозициональный (содержательный) и прагматический аспекты. Ср.: *'You look like a naughty boy. That's the thing.'* *'But Mary says I'm clever...'* he retorted [Faulks 2007, с. 500]: **«Ты выглядишь непослушным мальчишкой. В этом-то и дело».** *«А Мэри говорит, что я умный...»*, – возразил он¹.

Выделенное высказывание предстает синкретичным речевым ходом диалогического поведения говорящего с двумя потенциальными иллокутивными силами – констатива и реквестива в единстве пропозиционального и прагматического компонентов значения. Иллокуция констатива конструктивно обусловлена и соответствует высказываниям с подобной структурой. Она формируется всей совокупностью лингвистических средств формирования содержания высказывания.

Прагматически релевантным условием актуализации реквестивной иллокуции повествовательной конструкцией в данном случае представляется критическое отношение говорящего к содержанию высказывания. А критика, как утверждают психологи, является самым действенным манипулятором. Данное отношение адресата накладывает отпечаток на содержание высказывания в виде семантического признака «критическое отношение», который и играет роль прагматического фактора в транспонировании повествовательного высказывания в имплицитный реквестивный акт.

Указанная закономерность реализуется в повествовательных имплицитных реквестивных актах следующим образом: если адресант сообщает о своих негативных состояниях, то упоминается действие слушающего по снятию негативности. Ср.: *I can't find my University paper! – Here's mine...* (Courtney, p. 187): *«Я не могу найти свою университетскую газету! – Да вот моя...»*. Сообщение о положительном состоянии предполагает создание адресатом (или использование им)

* Здесь и далее перевод автора.

усиленной положительности. Ср.: *This brandy is excellent. – Thank you, Wolfie...* (Rankin, p. 127): «*Это отличный бренди. – Спасибо Волфи...*».

Действие семантического признака «критическое отношение» дополняется другим фактором, оказывающим влияние на прагматическую сущность повествовательного предложения, а именно релевантность / нерелевантность денотативного содержания предложения для актуальной ситуации диалога. Подобное значение предполагает актуальное отношение денотативного содержания предложения к настоящей ситуации диалогического общения, к действиям и поведению собеседников. Говорящий оценивает содержание предложения как фактор, который потенциально может оказать влияние на действия адресата. В момент протекания диалога прагматически существенным для определения речевой сущности повествовательного высказывания могут, в частности, стать элементы денотативной ситуации, прогнозируемой собеседниками.

Косвенный реквестивный акт также реализуется как результат семантического диссонанса между формой и содержанием высказывания, приобретающего дополнительные прагматические наращения. Актуализация периферийных косвенных способов выражения ФСК также влечет за собой разлад между языковым и речевым значениями высказывания: «смягченные» языковые средства реализуют усиленное речевое воздействие, затрагивая эмоционально-оценочный компонент речи. В отличие от периферийных имплицитных способов выражения ФСК, косвенные способы характеризуются наличием особой словоформы с коммуникативным лексическим значением, которая при благоприятном контекстуальном окружении и ситуации воздействия переориентирует функциональную направленность высказываний, маркирует их как косвенные речевые акты.

Вопросительные высказывания также способны выступать в качестве косвенных реквестивных актов. В этом случае в их структуре обнаруживается маркер косвенной побудительности. В функции данных маркеров в английской диалогической речи могут, в частности, использоваться модальные глаголы, которые в референтном отношении указывают на несвязность отображаемой денотативной ситуации с реальными событиями, актуализованными в диалоге. Отсутствие этой связи, как нам представляется, «материализуется» их семантическим планом, что на прагматическом уровне высказывания становится основой выражения сомнения говорящего в том, что нереальное, желаемое им действие будет претворено слушающим в действительность. Ср.: *“How should I make you back up my story?” – Templer was asking as Siobhan turned the ignition. There was a pause. Siobhan could sense that her boss had something else he was struggling to say* (Rankin, p. 237): «**Каким же образом я должен заставить тебя поддержать мою версию произошедшего?**», – спрашивал Темплер, когда Сиобхан включила зажигание. Возникла пауза. Сиобхан почувствовала, что ее босс пытается еще что-то сказать.

В условиях спонтанного диалогического общения данное высказывание предстает не только средством запроса необходимой информации, но также потенциально предрасположено к выражению просьбы говорящего (поддержать его версию произошедшего). При инициации подобного высказывания более естественной предстает реакция слушающего на первое значение высказывания (диктумное) и буквальная его интерпретация (объяснение того, как можно совершить действие, в котором заинтересован говорящий). Возможно, что именно двойственная иллокутивная нагрузка данного высказывания и стала причиной того, что адресат речи не сумел его однозначно интерпретировать.

На первый взгляд, прагматический анализ данного высказывания не вызывает затруднений: говорящий реализует иллокутивный акт просьбы посредством вопросительной конструкции. Однако данная структура не является конвенциональным способом инициации косвенных речевых актов. Если бы это было так, то в когнитивном сознании собеседников актуализовалось бы следующее правило: *когда говорящий не знает, как добиться от адресата поддержки его точки зрения и запрашивает его о том, как это сделать, он хочет, чтобы слушающий разделил с ним его версию произошедшего.*

Указанное правило очень важно для обоих собеседников, так как оно предполагает, что участники диалога обладают общим фондом знания прагматических правил инициации намерения и реакции на него в данной специфической ситуации. Диалогическая ситуация не предполагает максимы качества или максимы количества, поскольку не подразумевается, что адресант выражает неправду, ложно запрашивает определенную информацию. Единственная максима общения, которая может быть соотнесена с данной ситуацией – это максима уместности, суммирующая следующую интенцию адресанта: *говорящий спрашивает, как утвердить свою версию произошедшего с целью просьбы, чтобы слушающий принял данную версию.*

Мы полагаем, что при анализе данного речевого акта целесообразно рассматривать экспликуратуры в противопоставлении имплицатурам. В приведенном примере экспликуратурой более высокого уровня предстает не иллокутивная сила вопроса, а просьба. Данная экспликуратура более высокого уровня является произвольным (окказиональным) семантическим обогащением логической формы предложения, основанном на предпосылках чисто культурного характера. Другими словами, когда слушающий не выводит из высказывания ожидаемую адресатом экспликуратуру как результат интерпретации высказывания *How should I take you back up my story?*, это означает, что последний неправильно понял иницированное намерение. Само диалогическое общение в этом случае претерпевает коммуникативную неудачу: *говорящий просит адресата принять его версию произошедшего.*

То, что подразумевается выделенным речевым актом, не ограничивается только имплицатурами, но также «извлекается» и из эксплика-

тур высказывания. Экспликации (продукт когнитивной деятельности слушающего) формируются как результат семантического обогащения логической формы косвенного высказывания, т.е. его пропозициональной составляющей. Эксплицитно выраженная часть значения может дополняться экспликациями более высокого уровня, которые уточняют иллокутивную силу и пропозициональную соотнесенность косвенного высказывания.

Таким образом, речевая актуализация периферийных способов выражения ФСК всегда сопровождается дополнительными эмоционально-оценочными составляющими, что делает их действенным средством апелляции к когнитивной и волевой сферами слушающего. Просьба, передаваемая непобудительными по форме высказываниями, переносит оказываемое ими воздействие в мир знаний и чувств адресата, т.е., в конечном счете, воздействует на модус последнего. Вместе с тем подобные формы волеизъявления позволяют адресанту прагматизировать в актах общения: «себя» и «других». Степень проявления подобной прагматизации определяется, на наш взгляд, мерой зависимости реализации имплицитных и косвенных речевых актов от условий ситуации общения. Степень выраженности субъективно-психологического отношения адресанта к деятельности слушающего и мера зависимости имплицитного и косвенного речевого акта от ситуации – величины обратно пропорциональные: чем интенсивнее проявляется отрицательный эмоционально-оценочный потенциал периферийных средств выражения ФСК императивности, тем меньше ее зависимость от условий протекания диалогического общения.

Литература

- Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997. 257 с.
- Буторина Е.П.* Скрытые смыслы: причины появления и возможности исследования // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: Сб. науч. ст. М., 2007. С. 123–132.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингв. прагматика. М., 1985. С. 220–234.
- Забавников Б.Н.* О двух уровнях конвенциональности языка в коммуникативно-ориентированной грамматике // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1982. № 2. С. 80–84.
- Залевская А.А.* Теоретические аспекты проблемы языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. Москва. 29–31 мая., 2003. М., 2003. С. 94–96.
- Кудряшов И.А.* Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе. Ростов н/Д., 2005. 240 с.
- Кудряшов И.А.* Интенциональные типы высказываний и проблемы их косвенной речеактовой номинации // Актуальные проблемы языкознания

и литературоведения: Материалы II межвуз. док.-асп. науч. конф.: в 2 ч. Ч 2. Краснодар, 2003. С. 51–56.

Текст. Дискурс. Коммуникация: коллективная монография / под ред. проф. Е.Н. Рядчиковой. Краснодар, 2003. 326 с.

Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen // Linguistische Pragmatik. Frankfurt; M., 1972. S. 10–27.

Анализируемые тексты

Faulks S. Human Traces. L.: Vintage Book, 2007a. 793 p.

Faulks S. Engleby. L.: Hutchinson, 2007a. 342 p.

Courtney D. Stop the Ride. I Want to get off. – L.: Virgin, 2000. 408 p.

Rankin I. Resurrection Man. L.: Orion, 2006. 531 p.